

ВШМ

Алексей Широв

**ОГОНЬ
НА ШАХМАТНОЙ
ДОСКЕ
ТОМ 2**

УДК 794
ББК 75.581

Ш64

Ш64 **Шилов А. Д.**

Огонь на шахматной доске. Том 2 - М.: «RUSSIAN CHESS HOUSE/Русский Шахматный Дом», 2017. — 280 с.

(Великие шахматисты мира)

ISBN 978-5-94693-608-8

Перед вами - продолжение легендарной книги, которую с нетерпением ждали русскоязычные любители шахмат во всем мире.

Алексей Шилов, неоднократный претендент на звание чемпиона мира и один из самых ярких и самобытных гроссмейстеров современности, подробно и увлекательно комментирует свои лучшие партии, насыщенные тактическими фейерверками и экстраординарными ходами.

«Этот мальчик уже сейчас считает лучше меня», — сказал про своего молодого ученика Михаил Таль.

«Благодаря своей комбинационной ярости, Шилов может считаться одним из прямых наследников Таля...», пишет известный гроссмейстер Дж.Спилмэн.

По сравнению с английским изданием книга дополнена партиями последних лет.

Для широкого круга любителей шахмат.

УДК 794
ББК 75.581

У ч е б н о е   и з д а н и е

Шилов Алексей Дмитриевич

ОГОНЬ НА ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ. ТОМ 2

Редактура и верстка *Андрей Ельков*
Перевод с английского *Роман Рюмин*
Художник *Алексей Белов*
Фото *Борис Долматовский*

Подписано в печать 15.04.2017. Формат 60х90/16.

Издательство «RUSSIAN CHESS HOUSE»
(директор Мурад Аманназаров)
Тел. : +7 (495) 963-8017 (пн-пт с 11.00 до 18.00)
email: chessm.ru@ya.ru или andy-el@mail.ru
<http://www.chessm.ru> — Интернет-магазин

ISBN 978-5-94693-608-8

© Шилов Алексей Дмитриевич, 2017

© Издательство «RUSSIAN CHESS HOUSE», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
1. Бескомпромиссная схватка.....	6
2. О творчестве	22
3. Избранные партии	28
<i>Указатель партнеров .....</i>	<i>275</i>
<i>Указатель дебютов .....</i>	<i>275</i>

Глава первая

Бескомпромиссная схватка

Я смотрю на последние строки моей предыдущей книги, завершенной в 1996 году, и нахожу такие слова: «Теперь эта книга, наконец, закончена (это действительно заняло много времени), начинается мое настоящее возвращение!». Я пытаюсь вспомнить, куда же я хотел вернуться восемь лет назад, и понимаю, что во мне есть черта, которая никогда не изменится: когда бы мои результаты ни ухудшались — и не важно, по каким причинам — я всегда хочу вернуться на высший уровень. Писать книгу хорошо, но играть... интереснее! И теперь, перед тем как вновь начать подготовку к выступлениям, я хотел бы немного осмыслить этот важный период.

Закончив тот старый текст в июле 1996 года, я хотел сразу передать книгу издателю, но не смог закончить некоторые анализы своих партий до ноября. Это привело к необязательным продолжительным периодам нестабильности в моей игре. Мне запомнились многие хорошие партии, сыгранные в сен-

тябре-октябре на Олимпиаде в Ереване и на турнире в Тилбурге (соревнования, завершающие *Огонь на шахматной доске*), но несколько крайне нелепых поражений не позволили достичь настоящего успеха в этих турнирах. Однажды мне пришлось отложить свою первую книгу и подумать над тем, как улучшить свою игру.

Хотя я достаточно хорошо приспособился к «компьютерным шахматам» тех времен, использованию интернета для обновления своих баз данных и *Fritz'a* для анализа критических позиций, было понятно, что аналитические программы не оказывают значительной помощи в изобретении новых идей и разработке дебютных концепций. Мне до сих пор нужно много «человеческого общения», и этого было непросто достичь в то время, когда я с семьей жил в Таррагоне, уединенном с шахматной точки зрения месте. Кроме того, многие мои шахматные друзья еще не привыкли к обмену идеями и анализами в режиме онлайн.

Поэтому я использовал любую возможность для коротких тренировочных сессий с другими шахматистами.

Кроме Зигурдса Ланки, Хорди Магема и Михаила Рычагова, которых я знал и с которыми работал долгие годы, также следует упомянуть Хенрика Теске, Даниэля Фридмана, Кевина Спраггетта, Александра Черняева, а позднее – Таля Шакеда, которые помогали мне в различных ситуациях. Когда я анализировал с другими шахматистами, то всегда старался проверять на компьютере любую идею, которая казалась интересной, и пробовал достаточно глубоко вникнуть в позиции, что было невозможно несколькими годами ранее. Такая работа всегда требовала много времени, и я помню, как Теске воскликнул: «Что ты за неистовый парень!», и я смог сказать в свою защиту лишь то, что веду себя таким образом только в окружении других шахматистов, дома я гораздо ленивее. Примечательно, что через несколько дней после того разговора мне пришлось встретиться со своим «идеологическим соперником» за доской, этот поединок открывает раздел партий в этой книге.

Я по-прежнему нестабильно выступал в турнирах, чередуя хорошие партии с невероятными просмотрами в лучших позициях,

например зевки ферзя в двух (!) первых турах турнира в Гронингене в 1996 году. И после мрачного провала в Линаресе в 1997 году, когда я поделил последнее место, легко было предаться пессимизму. Было несколько хороших идей в некоторых партиях, но итоговый результат... Поэтому, направляясь на небольшой турнир 17-й категории в Тель-Апеле, я не имел больших ожиданий, даже несмотря на то, что месяцы работы должны рано или поздно дать свои плоды. Но неожиданно я выиграл турнир с результатом 4 из 5! Моей следующей остановкой был турнир в Дос-Эрманесе, более или менее элитное соревнование. Вновь старт был неудачным, поэтому итоговый результат 50% был особенно важен для меня в свете возвращения уверенности в себе. И когда через месяц я разделил с Топаловым первое место в Мадриде, то уже чувствовал, – мог выступить еще лучше, что несколькими месяцами ранее невозможно было представить.

Казалось, что кризис позади, но появилась другая проблема, с которой часто сталкиваются профессиональные шахматисты. Мадридский турнир завершился в мае, и хороших приглашений до сентябрьского турнира в Тилбурге не было, поэтому мне предстояло провести более че-

тырех месяцев без соревнований с классическим контролем времени. Я решил уделить время долгосрочной подготовке, нацеленной, в первую очередь, на чемпионат мира в Гронингене (декабрь 1997-го), который впервые проводился по нокаут-системе, поэтому следовало обратить особое внимание на возможные тай-брейки с укороченным контролем времени. Я принял участие в нескольких турнирах по быстрым шахматам в Испании и обнаружил, что мой способ мышления в шахматах немного медлителен.

По приезду в Тилбург я чувствовал себя довольно перетренировавшимся и утратившим концентрацию, поэтому последовал очередной провал: лишь 5 очков из 11-ти, поражения от Каспарова, Крамника и Свидлера, которые набрали на три очка больше меня и поделили первое место. В свете грядущего чемпионата мира моя форма вновь оставляла желать много лучшего, так как хорошая теоретическая подготовка не компенсировала ошибки на других стадиях партии.

После Тилбурга я начал постоянно работать с эстонским гроссмейстером Михаилом Рычаговым, что коренным образом изменило качество моей дебютной подготовки. Действительно,

с Зигурдсом Ланкой мы обнаружили множество прекрасных идей в испанской партии, сицилианской и староиндийской защитах, но именно Михаил помог мне сформировать полный дебютный репертуар. Когда в ноябре 1997-го я впервые пригласил его в свою рижскую квартиру, после шестичасового анализа варианта Найдорфа Михаил не позволил мне уйти спать, вместо этого мы принялись анализировать другие дебюты! В первом туре турнира в Белграде (мое следующее соревнование) я сумел победить Гельфанда белыми практически целиком благодаря нашей подготовке.

Перечень спортивных успехов, достигнутых мной с помощью Михаила, обширен и простирается от Белграда-1997 до Москвы-2002 (матч «Россия против Остального мира») — почти пять лет успешного сотрудничества. По некоторым причинам, в течение последних двух лет я выступаю лучше, находясь на турнире в одиночестве, но по-прежнему пользуюсь плодами своей работы с Михаилом. За годы совместного анализа мы обнаружили столько теоретических новинок, что я хотел бы сделать их темой своей следующей книги, повествующей о выборе дебютных схем. Думаю, для тренера особенно важно быть

способным работать с главными линиями всех основных дебютов, а не только с теми, которые он играет сам.

На чемпионате мира в Гронингене я не сумел преодолеть пятый раунд, уступив Ананду, но, тем не менее, считаю свой результат удовлетворительным, так как достаточно хорошо адаптировался к новой нокаут-системе. Но как победить лучших из лучших, таких как Ананд? Я должен был работать еще усерднее...

В январе 1998-го я плохо стартовал в Вейк-ан-Зее, набрав лишь 1½ очка в первых четырех турах и упустив простой выигрыш в поединке с Карповым, которого на тот момент еще не побеждал в партиях с классическим контролем времени. По окончании поединка я долго гулял по берегу Северного моря, спрашивая себя, как же, наконец, начать набирать очки, ведь моя игра казалась достаточно сильной и творческой. Я не помню, к какому выводу пришел в итоге, но победа над Крамником на следующий день уже говорила о многом. Эта партия ознаменовала собой относительно славный период моей спортивной биографии. И хотя поражение от Салова в 12-м туре чуть смазало впечатление от турнира, я разделил третье место с 7-ю очками из 13-ти и было на

100% ясно, что можно было выступить лучше.

Моим следующим соревнованием стал Линарес, один из сильнейших турниров в истории шахмат, его семь участников занимали первые семь строчек мирового рейтинг-листа на тот момент. Турнир должен был дать ответ о текущем уровне моей игры. Израильский гроссмейстер Эмиль Сутовский помогал мне как в подготовке к соревнованию, так и непосредственно во время турнира, в то время как Михаил Рычагов прибыл на последние семь туров.

В Линаресе мое настроение постоянно менялось: «пессимизм» после поражения от Ананда в первом туре; «оптимизм», когда я одержал хорошие победы над Иванчуком, Топаловым и Свидлером, одновременно сделал черными ничьи с Крамником, Каспаровым и Анандом (турнир проводился в два круга); «реализм» после поражения от Иванчука в практически выигранной позиции; «эйфория» от побед над Топаловым и Крамником; и, наконец, «возращение на землю» после поражения от Свидлера и ничьей с Каспаровым в последнем туре. Несмотря на то, что я финишировал вторым после Ананда, турнир определенно стал моим наивысшим успехом в «медленных шахматах».

Я никогда не забуду, что «возвращение на землю» было лишь частичным, потому что, несмотря на мои первоначальные намерения, под влиянием одного из моих тренеров в Линаресе, я принял предложение псевдо-организатора Луиса Рентеро Суареса (и одновременно президента Всемирного шахматного совета, организации, созданной Каспаровым) через два с половиной месяца сыграть матч с Крамником в Касорле (Хаэн, близ Линареса) с целью определить соперника Каспарова. Первоначально играть должен был Ананд, но он отказался, поэтому предложение поступило мне. В конце концов, я считал, что мое второе место в соревновании сильнейших шахматистов может считаться серьезной заявкой на участие в этом неофициальном чемпионате мира. Но теперь я уверен, что спортивный принцип должен быть очень строгим. Линарес первоначально не рассматривался как отборочный турнир.

Несмотря на то, что я считаю свое согласие на матч с Крамником большой ошибкой, я по-прежнему думаю, что Рентеро, Каспаров и Крамник несут ответственность за то, что они сделали со мной, все вместе и каждый в отдельности.

Но в марте 1998-го я не знал, что произойдет дальше, и на тот

момент моя цель была ясна: подготовиться к матчу с Крамником наилучшим образом. Хотя Крамник был в то время номером два в мире, я расценивал свои шансы как достаточно хорошие, особенно имея в виду положительный счет против Владимира. Я полагал, что, нейтрализовав его преимущество в дебютной подготовке, смогу переиграть соперника в последующих стадиях партии.

Почти сразу после Линареса я отправился в Монако для участия в традиционном турнире по быстрым шахматам и игре вслепую «Мелоди Амбер». Моим секундантом был Михаил Рычагов, и мы тут же начали планировать стратегию на матч против Крамника во время наших прогулок по берегу после партий. Было решено усилить мою тренерскую бригаду, пригласив Лембита Оля и Валерия Салова. Также мы придумали «ход конем» при подготовке. В матче мне было интересно применить защиту Грюнфельда, поэтому в Монако в ответ на 1 d4 я применял исключительно староиндийскую защиту. Благодаря ничьей с позиции силы в поединке с Крамником и победе в заключительном туре над Ван Вели мне удалось убедить соперника в том, что «староиндийка» является моим основным и наиболее проработанным дебютом. Позднее Крамник заметил, что

потратил много времени на подготовку противоядия от нее для матча в Касорле, в то время как мне и в голову не приходило применять ее там вновь.

Интересно, что за исключением «привычного» плохого старта и отсутствия большого объема специальной подготовки к партиям в Монако, я играл уверенно и разделил первое место с Крамником впереди Иванчука, Ананда, Топалова, Карпова и прочих. Всё указывало на то, что к матчу в Касорле мою форму можно еще улучшить, и я принял решение отправиться в мой родной город Ригу и примерно месяц посвятить занятиям с Рычаговым и Оллем. Никогда в своей жизни я не относился к шахматам столь серьезно. Валерий Салов не помогал мне в ходе подготовки, но его рекомендации во время матча имели огромное значение, так как еще довольно свеж был его собственный опыт участия в претендентском цикле в 1994-95 годах.

Матч начался в конце мая и проходил более или менее ожидаемо. Моя тренерская бригада (Салов, Оль, Сутовский и Рычагов) работали с полной отдачей каждый день, и хотя я не достиг многого белыми (наверное, каждый в какой-то момент вдруг понимал, насколько *тяжело* пробить русскую партию!), но всё же

сумел создать некоторые практические проблемы сопернику в четвертой партии и выиграть затяжной эндшпиль. Черными я применял защиту Грюнфельда и не испытал особых проблем в первой и третьей партиях. Лишь в пятой пришлось потрудиться, поэтому, когда удалось спасти сомнительную позицию, я почувствовал, что победа в матче близка. Всего предстояло провести десять партий, и мне вспоминается любопытное решение перед восьмым поединком: не рисковать и избрать скромное продолжение (5 ♖e2 в русской партии), потому что в случае ничьей Крамнику приходилось идти ва-банк в девятой партии. Причем, даже если он достигал цели, я всё еще мог играть на победу белыми в заключительном поединке! Но этого не потребовалось, так как мне удалось выиграть девятую партию, даже несмотря на некоторые трудности на выходе из дебюта.

Выиграть матч, не получив призовых денег, но зато «обеспечив» себе матч против Каспарова с призовым фондом в два миллиона долларов — чего еще просить от жизни? Но на пороге уже была лавина неожиданных событий...

Вернувшись в свой дом в Таррагоне, я обнаружил, что он пуст. В последние годы отношения в семье были далеки от иде-

ала (что может случиться, когда спорт поглощает всё время), но, в любом случае, перемены были радикальными. В тот же день я выяснил, что основной банковский счет был «вычищен» моей, теперь уже бывшей, женой.

Процедура развода всегда трудна, особенно если замешан четырехлетний ребенок (моя дочь Наталья). Кроме того, я чувствовал себя полным дилетантом в испанской правовой системе, потому что два или три года адаптации в новом обществе не могут сравниться с целой жизнью, проведенной на одном месте. Помню, мне казался совершенно абсурдным тот факт, что документы о разводе можно получить не раньше, чем через год после подписания соглашения о расторжении брака, поэтому я пытался ускорить процесс, соглашаясь на условия, которые были не слишком выгодны для меня. Мне пришлось на какое-то время совершенно отдалиться от шахмат, и в этих обстоятельствах разумно было отказаться от участия в турнире в Дортмунде, намеченном на июнь-июль 1998 года. Но иногда не выполнять контрактные обязательства оказывается не так просто.

Поездка в Дортмунд стала большой ошибкой; было бы лучше достичь соглашения с органи-

заторами любой ценой. В течение турнира я никак не мог вернуть концентрацию и, в то же время, находился в состоянии стресса. Уровень сильнейших шахматистов мира настолько высок, что они не прощают ни единого проявления вашей слабости, но всегда используют свои шансы. Я набрал лишь 2½ очка из 9, и хотя демонстрировал неплохую игру на некоторых стадиях, финишировал последним. Шахматные журналы немедленно отреагировали заголовком «Крамник вверх (он выиграл турнир), Широв вниз». Мои худшие опасения о том, что они могут «оспорить» результат матча в Касорле, к сожалению, стали реальностью два года спустя.

В разделе партий читатель может видеть, как я чувствовал себя между соревнованиями, борясь с плохой формой и ожидая «подтверждения» моего матча с Каспаровым, который изначально планировалось провести в Севилье в ноябре 1998 года. Я пытался продолжать серьезную подготовку, несмотря на личные проблемы, и на этот раз мне помогал армянский гроссмейстер Владимир Акопян, добившийся наивысшего успеха в своей карьере год спустя, когда он стал вице-чемпионом мира. Шаг за шагом я начал возвращать свою лучшую форму.

В ходе августовского турнира в Поляница-Здруй мне позвонил Луис Рентеро и ошарашил известием о том, что матч с Каспаровым в Севилье отменен, и ничего аналогичного он со своей стороны не предлагает. Когда я сказал, что в таком случае он обязан, согласно подписанному в марте контракту, выплатить мне двести тысяч долларов в качестве штрафа за отмену матча, он ответил, что предпочел бы съесть тот контракт и ничего не хочет компенсировать. Разумеется, после такого диалога этот человек перестал для меня существовать, но он на удивление быстро восстановил свое положение в шахматном мире, возможно, потому, что человеческая память теперь очень коротка.

Начались адские времена. Первым делом я провел переговоры с людьми из окружения Каспарова о возможном матче против него в Калифорнии с призовым фондом в миллион долларов вместо двух, и, казалось, что соглашение на таких условиях может быть достигнуто. Но затем я получил факс от другого мошенника, на этот раз от вице-президента Всемирного шахматного совета д-ра Уильяма Уирга, гласивший, что с Калифорнией также ничего не получится. Я пытался организовать матч в Барселоне при поддерж-

ке правительства Каталонии, но тут, в октябре 1998 года, лишь через четыре месяца после матча в Касорле, Каспаров публично объявил, что намерен искать другого претендента. Что же касается моих прав, то... ничего. Так закончились мои «приключения» в борьбе за титул «неофициального чемпиона мира», который был фактически признан ФИДЕ легитимным в ходе «Пражского раскола» 2002 года, когда Крамник уже был «чемпионом мира». Не думаю, что подобное насилие над правилами совершалось когда-либо в каком-либо другом виде спорта.

Вернемся назад в 1998-99 годы... Моим первым воспоминанием о тех временах является то, что я был вынужден вновь опустошать свой банковский счет. Соглашение с моими четырьмя тренерами в Касорле гласило, что я плачу им достаточную сумму за работу, а также определенный бонус за «выигранный» матч. Салов и Рычагов вошли в мое положение и бонуса не потребовали, но Эмиль Сутовский, казалось, был «не в курсе» того, что со мной проделал ВШС, и потребовал полную сумму. Я решил выплатить бонус всем четверым, так как все проделали одинаковый объем работы и заслужили одинаковое вознаграждение. Сильный израильский

гроссмейстер продемонстрировал типичный пример отношения современного наемного работника, но, к счастью, он один из немногих людей, с кем я надолго перестал общаться. Жизнь стала бы невыносимой, если бы пришлось чаще прибегать к таким мерам.

Итак, лишившись семьи, финансов и спортивных прав, я начал новую жизнь. Благодаря нескольким друзьям я смог успокоиться достаточно быстро и снова начал работать над шахматами. В ноябре 1998 года мне уже удалось показать хорошую игру в матче с чешским гроссмейстером Збынеком Храчком, который прошел в Острове и закончился моей победой. В январе 1999-го я победил Крамника на Еврокубке в Белграде, что совпало с победой моего клуба над командой, по именам смотревшейся намного сильнее (против нас играли Крамник, Ананд, Белявский и Гельфанд, а наша команда состояла из меня самого, Олля, Розенталиса и Гданьски на первых четырех досках). К сожалению, наш клуб, «Полония» (Варшава), уступил в финале коллективу, в котором выступали Ван Вели, Адамс и Тимман, но мой результат, $2\frac{1}{2}$ из 3, был достаточно хорош.

Из Белграда я направился напрямиком в Вейк-ан-Зее, и там

Крамник взял реванш. Я также уступил Каспарову (моя худшая партия на протяжении многих лет — тогда я просто не мог сконцентрироваться, сидя за доской напротив него), так что итоговый результат оказался довольно скромным. Но и провалом его не назовешь: я набрал 7 очков из 13, а партия против Рейндермана заслуженно вошла в эту книгу. Затем последовала другая серия успехов: дележ второго места в Монако (с Топаловым, позади Крамника, но впереди Ананда и всех остальных, состав был почти тем же, что и год назад); затем дележ второго места в Сараево с Бареевым (позади Каспарова, но впереди Адамса и Лeko); и, наконец, матч против Юдит Полгар в июле, где я выиграл пять партий при одной ничьей. Так вышло, что я решил не включать партии матча в книгу, ведь победы были в основном достигнуты благодаря подготовке, нежели «огню на шахматной доске», поэтому они будут разобраны в следующей книге.

Почему я сказал «и, наконец, матч против Юдит Полгар»? Просто потому, что после последней партии мой рейтинг достиг максимума за карьеру — более 2760 — и, если бы я не поехал в Лас-Вегас, третье место в следующем рейтинге-листе было практически обеспечено.

Но как было не ехать в Лас-Вегас, когда это был официальный чемпионат мира и, таким образом, еще один реальный шанс побороться за титул? По определенным причинам не играли Ананд и Морозевич, поэтому Крамник и я были главными фаворитами. Но турнир у меня не получился. Сначала я проиграл белыми Ивану Соколову и прошел в следующий раунд только благодаря победе черными фигурами во второй партии, а затем и на тай-брейке. Не удалось избежать партий с укороченным контролем и в поединке с Жилберто Милошем, так что я мог убедиться в том, что моя форма далека от оптимальной. Так или иначе, я выиграл и этот матч, а затем и следующий, у Найджела Шорта, довольно странным образом. Так я добрался уже до пятого раунда, где мне предстояло встретиться с румынским гроссмейстером Ливиу-Дитером Нисипяну, который играл очень хорошо, но не был особенно широко известен.

Первая партия завершилась быстрой ничьей, а во второй я избрал сверхострое 4 ♘с3 в защите Каро-Канн белыми и получил сильную инициативу за пожертвованную пешку. Однако Нисипяну сохранил спокойствие и аккуратно защищался, поэтому в определенный момент мне следовало избрать вариант, ве-

дущий к более или менее форсированной ничьей. Я никогда не пойму, зачем пошел на другое продолжение, крайне рискованное, и, в итоге, проиграл. Верю, что после ничьей в этой партии у меня были чуть лучшие шансы на тай-брейке, ведь я уже выиграл много тай-брейков на чемпионатах мира. Но, разумеется, победа Нисипяну была абсолютно заслуженной. Так вышло, что Крамник также вылетел на той же стадии, но не понизил рейтинг и сохранил третье место в таблице о рангах, тогда как я потерял 12 пунктов.

Несмотря на то, что в Лас-Вегасе я был ближе к титулу чемпиона мира, чем когда-либо, я спокойно воспринял поражение, потому что нельзя сравнивать спорт с шахматами. Я просто решил ждать следующего шанса.

Моя личная жизнь также претерпела изменения. Во время Олимпиады 1998 года в Элисте я начал встречаться с польской шахматисткой, будущим женским гроссмейстером, Мартой Зелинской. Наши отношения длились недолго — менее двух лет — но, когда 7-го ноября 1999 года на свет появилась моя вторая дочь Мария, я понял, насколько трудно сочетать игру на высшем уровне с отцовскими обязанностями. Мои результаты снова стали нестабильными.

За успехом на командном первенстве Европы в Батуми (где я набрал 6 очков из 8-ми, выступая за сборную Испании, что позволило мне достичь наивысшего официального рейтинга в 2751 пункт) последовала пара странных поражений в немецкой бундеслиге, а затем — бездарный результат на турнире в Линаресе (в котором я согласился принять участие при условии, что Рентеро не будет иметь отношения к соревнованию, хотя это стоило мне потери значительной доли концентрации): 4 очка из 10, после зевка фигуры в абсолютно ничейной позиции черными против Каспарова и неиспользованного дебютного перевеса в другой партии против него же, а также в поединке с Петром Лeko. Для меня было особенно болезненно вновь оказаться позади Крамника, так как результат этого турнира в Линаресе стал «оправданием» матча Крамник-Каспаров, намеченного на 1998-й, но не учитывавшего моей возможной победы. Как мы все знаем, матч в итоге состоялся в октябре-ноябре 2000-го и закончился победой Крамника после нескольких странных партий; например, поражение Каспарова в 25 ходов или его предложение ничьей, играя белыми в отчаянной матчевой ситуации. С тех пор Крамник считается «чем-

пионом мира», хотя, к счастью, есть люди, которые сомневаются, как это вообще возможно.

После Линареса я вновь отправился в Монако, где, помимо прочих, как всегда участвовали Ананд и Крамник, и достиг даже более значительного успеха, чем в 1998 и 1999 годах, на сей раз заняв чистое первое место. Но должен заметить, что, в отличие от двух предыдущих турниров, мне сопутствовала удача, так что я не мог быть по-настоящему доволен своей игрой. То же самое произошло на турнире по быстрым шахматам в Париже месяц спустя, когда я снова выиграл. А вот в мае на турнире в Сараево я вновь чувствовал себя хорошо подготовленным и очень хотел выиграть соревнование, в котором также участвовал Каспаров. За два тура до финиша я сохранял лидерство, но после поражения от Сергея Мовсесяна, который всегда является опасным соперником, упустил свой шанс. Итоговый результат (8 из 11) в турнире 19-й категории сам по себе очень хорош, но я лишь разделил с Адамсом второе место, что не принесло мне удовлетворения, особенно потому, что Каспаров набрал на пол-очка больше. После турнира он сказал журналистам: «Победы Широга на турнире я хотел меньше всего, так как в этом случае он мог

вновь заявить о своих правах». Без комментариев.

Вскоре после Сараево я выиграл турнир четырех участников в Мериде. Тем не менее, в конце лета моя игра снова ухудшилась. Так или иначе, в августе в Полянице-Здруй я выступил достаточно хорошо, «привычно» разделив второе место с 6-ю очками из 9-ти вместе с Ван Вели и позади Бориса Гельфанда. Я также применил много интересных дебютных новинок, так что прошу читателя потерпеть и дождаться третьего издания книги *Огонь на шахматной доске*, которое, я надеюсь, вскоре будет завершено. Сразу после турнира в Полянице я покинул Польшу, в которой провел последние полтора года, и остановился в своей неофициальной резиденции в Риге, моем родном городе, сохранив, тем не менее, испанский паспорт, что заставляет меня ощущать некий дискомфорт. (И теперь я живу на три дома: Таррагона, Рига и Шяуляй в Литве, родной город моей супруги.) На этот раз не потребовалось подписывать никаких бумаг о разводе, потому что я не был женат, но оставлять в Польше маленькую дочку было очень тяжело. До сих пор не могу сказать, собираюсь ли я быть хорошим отцом для нее, но, по крайней мере, я никогда не снимал с себя ответственность.

В Риге я первым делом приступил к подготовке к чемпионату мира в Нью-Дели, который должен был пройти в ноябре-декабре. Помимо изучения дебютов и физической подготовки (к счастью, в Риге я всегда жил возле леса, что позволяет мне регулярно совершать пробежки), необходимо было прийти в себя психологически, в основном снизить негативный эффект последних изменений в моей жизни. Я также решил избавиться от «синдрома Нисипану» и не бояться возможных тай-брейков в нокаут-турнирах.

Во время Олимпиады в Стамбуле радикально изменилась моя личная жизнь, я встретил будущую жену, Викторию Чмилите. На чемпионате мира, который стартовал в Нью-Дели через неделю после Олимпиады, мы уже решили, что станем одной семьей. Виктория много помогала мне на пути к финалу чемпионата и перед отъездом в Тегеран я сделал ей предложение, на которое она ответила согласием. Моя эйфория несколько поутихла после поражения от Ананда, но в конечном итоге я вовсе не чувствовал себя проигравшим! На самом деле, попадание в финал чемпионата мира было необыкновенно важно для меня.

Большинство матчей — против Онищука, Михаила Гуревича

ча, Гельфанда и Бареева – приходили к счету 1-1 после первых двух партий. Михаил Рычагов (также игравший в Нью-Дели, но уступивший Этьену Бакро в первом раунде) и Хорди Магем (приехавший меня консультировать) очень мне помогли. Я, разумеется, также много работал и в быстрых партиях смог удивить и переиграть своих оппонентов, используя нашу подготовку.

Таким образом, благодаря успеху в Нью-Дели, 20-е столетие завершилось для меня очень хорошо.

В Вейк-ан-Зее-2001, как обычно, проходившем в январе, я продемонстрировал, возможно, лучшие шахматы в своей жизни на первой половине турнира, набрав 6 очков в первых 8 турах. К сожалению, я провалил финишную стадию и упустил исторический шанс опередить Каспарова, Ананда и Крамника. Теперь мне кажется, что после того турнира я утратил мотивацию, потому что невозможно так много лет быть сконцентрированным на одной цели. Более того, возникли новые проблемы с Каспаровым, о которых не стоит упоминать здесь, но которые сделали наши поединки еще более нервными и неудобными для меня. И всё же, в ходе нашей партии в Линаресе-2004, закончившейся очень интересной ничьей, мне удалось

избавиться от этих негативных эмоций.

В 2001 году число турниров с моим участием возросло благодаря недавнему титулу вице-чемпиона. Причиной большинства моих достижений стали победы над более слабыми оппонентами, но случались и приятные исключения, такие как выигрыш у Топалова в полуфинале турнира в Леоне в июне и в четвертом раунде чемпионата мира, прошедшего в конце года. В обоих случаях после побед над Веселином моим соперником становился Ананд, которому я не смог оказать должного сопротивления. Но нет сомнений в том, что наиболее приятным событием года стала наша с Викторией свадьба 7-го августа. Среди приглашенных гостей были Михаил Рычагов, Хорди Магем (свидетель) и Зигурдс Ланка, которые всегда помогли мне в важнейшие моменты карьеры.

3-го февраля 2002 года родился наш сын Дмитрий, а два года спустя второй сын Александр. В таких условиях было почти невозможно играть во всех турнирах одинаково хорошо, так как уровень моей подготовки значительно упал. Тем не менее, мне удалось добиться нескольких хороших результатов: Монако в марте 2002-го (второе место после Морозевича, но впереди

Ананда и Крамника); Прага в апреле-мае того же года (полуфинал, когда Каспаров и Крамник уже выбыли) и московский матч «Россия против Остального мира» в сентябре 2002-го, который стал для меня наиболее успешным. Хотя и русский по национальности, выступал я за команду «Остального мира» и остался очень доволен результатом (7 из 10) и победой над Крамником (хотя и проиграл Каспарову). В 2002-м я также впервые принял участие в чемпионате Испании. До финала удалось добраться без проблем (я потерял лишь пол-очка в семи партиях). В решающем поединке предстояло встретиться с Пако Вальехо, будущим испанским шахматистом, и хотя я вовсе не считал себя фаворитом матча, мне удалось не без доли везения победить 2-0 и завоевать титул, который имел для меня известное значение. До сих пор это единственный мой опыт участия в национальном первенстве.

В 2003-м я предпринял еще одну попытку вернуться в «суперэлиту» и, набрав 7 из 13 в Вейк-ан-Зее, а также выиграв турнир 15-й категории в Рейкьявике (7 из 9), полагал, что нахожусь на верном пути. Но последовавшие провалы в Монако и Дос-Эрманасе ясно дали понять, что вернуть стабильность, которую я де-

монстрировал в 1998-2000 годах, будет крайне сложно. Так или иначе, на 1-е января 2004 года я всё еще сохранял пятую строчку в мировом рейтинг-листе и, как раз после рождения Александра, выиграл турнир по быстрым шахматам в Таллине (мемориал Пауля Кереса). Соревнование проходило 3–4-го января, и я направился туда прямо из роддома, где предыдущей ночью появился на свет наш малыш. В первый день я сыграл три партии, победив Рычагова и Дреева, но проиграв Розенталису. Но на следующее утро я был свеж и обыграл Шульсписа, Бродского и Свешникова. Раджабов отставал на одно очко, в последнем туре состоялась интересная схватка, завершившаяся ничьей, что обеспечило мне победу в соревновании.

Так или иначе, этот небольшой триумф в Таллине не слишком помог мне на турнире в Вейк-ан-Зее несколько дней спустя. Пребывая в некоторой эйфории, и, одновременно, устав от важнейших перемен в моей жизни, я не подготовился должным образом. В первых шести турах я проиграл дважды (Барееву и Ананду) в технически ничейных позициях, чего ранее со мной почти не случалось. Положение несколько улучшилось после побед над Тимманом и Иваном Соколовым, но в последнем туре я опять

совершил лас-вегасскую ошибку, пойдя на ненужный риск и потерпев поражение в поединке с Виорелом Бологаном.

Напротив, в Линаресе в том году я стартовал довольно успешно: несмотря на упущенную победу над Топаловым в третьем туре, мне удалось победить Раджабова в шестом, но затем я снова почувствовал усталость и в дальнейшем сделал лишь четыре ничьи, не одержав ни одной победы. Не были успешными и последовавшие затем выступления в Монако, французской лиге и бундеслиге.

Мне казалось, что единственным лекарством было бы завершить данную книгу своего рода «записками бывшего игрока», который способен лишь рассказывать о своих прошлых успехах. Я отправился в Сараево, местный турнир уже не считался элитным (15-я категория), и настрой мой был довольно пессимистичным. Любопытно, но мои результаты здесь в 2002-03 годах оказались хуже, чем в 1999-2000-х, когда в турнире принимали участие сильнейшие шахматисты мира. Однако я прибыл в Сараево в пятый раз, был знаком с городом и это помогло мне сохранить хорошую концентрацию. С некоторой долей удачи я набрал много очков и завоевал победу в турнире 2004 года.

Неделей позже удача вновь была на моей стороне на турнире по быстрым шахматам в Леоне, в дикой схватке против Раджабова (исход матча решился в блице), а затем против Свидлера, я выиграл первые две партии в практически отчаянных позициях и матч закончился со счетом $3\frac{1}{2}-\frac{1}{2}$, что не отражает реального «соотношения сил». Со времен первого чемпионата мира по нокаут-системе в Гронингене в 1997 году быстрые шахматы стали значительной частью жизни каждого шахматиста, хотя в партиях с укороченным контролем могут совершаться тяжелые ошибки.

Я завершал основную часть книги в те дни, когда подходил к концу чемпионат мира ФИДЕ в Триполи. На сей раз я решил не участвовать — и не только я, но и Ананд, Морозевич, Свидлер, Пономарев, Полгар, Гельфанд, каждый по своим причинам. Не могу говорить за других, но мои мотивы очевидны: «Пражский раскол» 2002 года, произошедший после турнира, где я, как читателю уже известно, добился хорошего результата. Эти позорные соглашения признавали Крамника чемпионом мира и давали Каспарову право играть матч сразу против чемпиона мира ФИДЕ. Каспаров не присутствовал и в Триполи, но, в отличие от Ананда (который блестяще выступал

в чемпионатах мира ФИДЕ), он просто ожидал своего соперника – разница с 1998 годом лишь в том, что Каспаров больше не чемпион мира.

Не знаю, смогли бы Крамник или Каспаров выиграть настоящий чемпионат мира, если бы приняли участие – для определения победителя нокаут-система представляется мне более спра-

ведливой – но до тех пор, пока они продолжают сохранять свои вечные привилегии, я не намерен больше бороться за титул чемпиона мира.

Но, разумеется, я не планирую избегать «бескомпромиссной схватки» – схватки за улучшение моей игры, схватки против моих завтрашних соперников, схватки за совершенство в шахматах.

Глава вторая

О ТВОРЧЕСТВЕ

Нелегко определить суть шахмат и сказать, к какой категории они принадлежат. Будучи умственным спортом, они объединяют элементы искусства и науки. «Наука» может быть слишком общим определением, поэтому я бы хотел несколько уточнить его, сказав, что для меня шахматы, в первую очередь, логический, а иногда даже математический, род занятий. Сказав так, часто очень сложно найти математическое (или даже логическое) решение в шахматах — нередко оно бывает иррациональным, и появляется поле для творчества.

Творчество в шахматах часто сравнивают с творчеством в искусстве, но я склонен с этим не согласиться. Шахматные правила строги: нельзя ни создавать свои собственные, ни выходить за границы 64 полей. Так или иначе, в этих ограниченных рамках совершаются удивительные открытия, и всё может быть настолько необычно, что можно забыть о том, что комбинации

возникают из строгих ограничений. Эстетическое впечатление оказывается настолько сильным, что создается ощущение чистого искусства, до тех пор, пока вы вновь не возвращаетесь в рамки игры, ограниченной 64 клетками.

В течение моей шахматной карьеры мне удалось совершить достаточное число интересных открытий в шахматах, чтобы чувствовать гордость. Я считаю, что в основе своей творчество в шахматах можно разделить на две категории:

1. «Домашнее» творчество. Поиск новых идей происходит во время технической подготовки к турнирам или матчам. Подготовка может быть направлена как против конкретного оппонента, так и просто с целью улучшить собственную игру. Это наиболее популярный способ шахматного творчества, потому что работа протекает неторопливо. Иногда «домашнее творчество» может быть заслугой нескольких людей: